

УДК 90(560) «17»:327

ДАГЕСТАН В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Ш. Демир

Дагестанский государственный университет

В статье освещается роль и место Дагестана в кавказской политике Османской империи в первой четверти XVIII в. Выявлены основные цели и задачи этой политики, средства и методы их достижения. Показано соперничество России и Турции в данном регионе и использование ими местных владетелей в своих интересах. Освещены ключевые события: Каспийский поход Петра I, противодействие его последствиям со стороны Порты, добившейся подписания Константинопольского договора при поддержке Англии и Франции.

The article describes the role and place of Daghestan in the Caucasus policy of the Ottoman Empire in the first quarter of the XVIII century. The basic aims and objectives of this policy, means and methods to achieve them are shown. Specifically described are the rivalry of Russia and Turkey in the region and their use of local lords in their own interests.

Ключевые слова: Турция; Россия; Кавказ; Петр I; Ахмед III; Сурхай-хан; Давуд-бек; Адиль-Гирей; Петербургский договор; Константинопольский договор.

Keywords: Turkey; Russia; Caucasus; Peter I; Ahmed III; Surkhai-khan; Davud-bek; Adil-Girey; Petersburg Treaty; Constantinople Treaty.

Первая четверть XVIII в. стала важным этапом формирования и развития кавказской политики Порты. Основы для этого создавались исподволь: захватом Константинополя в 1453 г. и Кафы (Феодосии) в 1475 г. «Именно 1475 г., – обоснованно утверждает М.И. Абдулаева, – становится отправной точкой политической ориентации турок на Кавказ» [1, с. 15].

Примечательно, что такой же точки зрения придерживаются и турецкие историки. Например, известный историк Рахми Туна однозначно признает: «Северный Кавказ становится ареной политической и экономической борьбы, начиная с 1475 г., когда победоносный султан Фатих Мехмет захватил генуэзскую крепость Кафу, и Черное море подпало под власть Османской империи» [2].

Вполне соглашаясь с таким мнением, для подтверждения экспансионистских замыслов османского руководства в отношении Кавказа М.И. Абдулаева приводит следующую цитату из работы Р. Туны: «Из Крыма пройти через Северный Кавказ в Астрахань и Казань, оттуда в Среднюю Азию. Основная цель – воссоединиться с тюркскими мусульманскими народами Востока... Препградить русским дорогу на Кавказ, поставить здесь заслон и не давать им распространяться в южном направлении. Для достижения этих целей ... заставить кавказские народы признать господство Османской империи, распространить мусульманское влияние» [1, с. 16–17].

Явно выраженную кавказскую направленность политика Порты приняла после крупных поражений и территориальных потерь в Европе в конце XVII в. и неудачной для России Прутской кампании 1710–1711 гг. В центре внимания Бахчисарая и Стамбула в это время находилась Кабарда, где в 1708 г. османско-крымские войска потерпели крупное поражение [3], подвигнув турецких и крымских правителей обратить внимание на Дагестан в надежде получить там поддержку. Подтверждение тому – донесение советника Петра I по восточным делам А.Б. Черкасского от 30 сентября 1712 г., в котором говорилось: «Посланы были от крымского хана посланцы ... кумытским владельцам ... а именно: ко владельцу Андреевской деревни Салтан Мамуту, другому – Алдигирею (Адиль-Гирею. – Ш.Д.), Тарковскому владельцу, чтобы оныя владельцы и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленно воли крымского хана, что им повелит хан делать, быть не ослушны; и дана им от хана немалая дача и впредь

обещают давать повсюгодно» [4]. В другом донесении в мае 1714 г. он особенно подчеркивал, что, сумев внести брожение среди кумыкских князей, эмиссары султана и крымского хана «паче всего желают, дабы всех тех народов соединить даже до персидской границы и тако особливо край тот в свою волю привести и подданными учинить» [5].

Однако наступательная политика Порты противодействовала успеху кавказской политики России. Несмотря на продолжавшуюся войну со Швецией, Петр I предпринял ответные действия: принял под защиту ориентирующихся на Россию кашкатавских князей, добился изгнания назначенного Портой в 1720 г. старшим князем Кабарды Ислам-бека Мисостова и утверждения на его место год спустя сторонника России Арслан-бека Кайтукина.

Порта вынуждена была смириться с этим, так как в Дагестане и Ширване, находившихся тогда под властью Ирана, произошли важные события, обратившие на себя внимание не только Петербурга, но и Стамбула. Начавшиеся в этих краях в 1707 г. антииранские восстания завершились 7 августа 1721 г. захватом дагестанскими и ширванскими повстанцами во главе с Сурхай-ханом Казикумухским и Хаджи Давуд-беком Мюшкюрским центра иранского владычества на Кавказе – Шемахи, сопровождавшимся расправой над восьмьюстами членами иранской администрации и тремястами русскими купцами с ограблением их товаров на сумму от 500 000 до 2 000 000 рублей [6].

Как и следовало ожидать, организаторы шемахинского побоища Сурхай-хан и Дауд-бек, опасаясь мести со стороны России, стали искать поддержки у Турции. Как сообщили кабардинские князья астраханскому губернатору А.П. Волынскому осенью 1721 г., «Дауд – бек и Сурхай ... послали (обращение. – Ш.Д.) чрез крымского хана к турецкому султану, чтоб он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи» [7]. Находившийся в Стамбуле русский посол И.И. Неплюев также подтвердил, что тайно от иранского посла османские министры ведут переговоры с прибывшим из Дагестана курьером о принятии в свое подданство «лезгин Давуд-бека и Сурхая» [8].

Склонение двух видных местных владетелей на сторону Турции могло способствовать успеху ее реваншистских замыслов на Кавказе, что противоречило стратегическим интересам России. Обеспечение обороноспособности южных границ, единого торгового пути между Востоком и Западом по Балтике, Волге и Каспию, эксплуатация природных ресурсов Кавказа в интересах русских помещиков и купцов, образование дружественного России единоговерного армяно-грузинского альянса для дальнейшего продвижения на Восток диктовали необходимость ее утверждения на Каспийском море. Без занятия прикаспийских областей, овладения Северным Кавказом и Дагестаном с Дербентом эти задачи не могли быть решены [9].

Таким образом, кавказская политика Стамбула и Петербурга оказалась нацеленной на побережье Каспия. Учитывая сложившуюся ситуацию, Петр I решил начать тщательно подготовленный поход на юг, который состоялся в июле 1722 г. и проходил в благоприятной для России обстановке [10]. 28 июля пехота высадилась на берегу Аграханского залива и в течение трех недель заняла территорию от Сулака до р. Милюкент за Дербентом. 30 августа Петр I прибыл в подготовленный там лагерь, чтобы продолжить поход в Закавказье. Но решительный протест со стороны Порты, переданный через личного курьера султана Ахмеда III с угрозой объявить войну в случае дальнейшего продвижения на юг, осложненный потерями в людях, лошадях, тягловой силе и крушением двух продовольственных эскадр, вынудили царя отложить задуманное предприятие, ограничившись достигнутым успехом [11]. Приняв меры для укрепления политических и военных позиций России на занятой территории, в конце сентября Петр I отплыл в Астрахань. В результате Петровского похода к России были присоединены Аграханский полуостров, развилка рек Сулака и Аграхани (крепость Святого Креста) и весь приморский Дагестан, включая г. Дербент [12].

Известия о походе Петра I и занятой им территории вызвали крайнее недовольство и новую активность кавказской политики Стамбула. Конкретными шагами на этом пути стали принятие в подданство Порты Али Султана Цахурского в сентябре 1722 г. и Хаджи Давуд-бека Мюшкюрского в декабре того же года. Так, в фирмане султана Махмуда I, отправленном Хаджи Дауду 31 декабря 1722

г., он ставил в известность адресата о принятии в свое подданство на правах крымского хана в качестве верховного правителя Дагестана и Ширвана с выплатой 30 000 червонных, дарением собольей шубы и сабли, но «чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев» [13].

Однако, не добившись этой цели, османы перешли к прямым военным захватам. В июне 1723 г. турецкие войска заняли Тифлис. В ответ на это русские войска сначала заняли Энзели и Решт, а затем Баку. Вслед за этим, стремясь не допустить турок на побережье Каспия, Россия стала добиваться от Ирана добровольной уступки Дагестана и прикаспийских областей, обещая взамен на это необходимую помощь против отражения османского нашествия и свержения афганского владычества [14].

В результате 12 сентября 1723 г. был подписан Петербургский договор, по которому Петр I обещал шаху Тахмаспу «свою дружбу и ... сильное вспоможение против всех его бунтовщиков» (врагов. – Ш.Д.), а Тахмасп, со своей стороны, уступал России «в вечное владение города Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, а также де провинции Гилянъ, Мазандаранъ (Мазандеран. – Ш.Д.) и Астрабад» [15].

Подписание этого договора еще более усилило недовольство Стамбула. Русско-турецкие отношения оказались на грани военного разрыва. Однако дело до войны не дошло. Твердая позиция России, решительно отвергшей политику шантажа и угроз, инспирируемых западными державами, дала свои плоды. 12 июня 1724 г. был подписан Константинопольский договор, по которому за Россией признавались те области, которые она обрела у Ирана по Петербургскому договору 1723 г. Кроме того, Россия получала около 2/3 приморской полосы Ширвана и часть земель по Самуру, признававших прежде власть Сурхай-хана.

В приморской части Ширвана учреждалось отдельное Шемахинское ханство под управлением Дауд-бека, с признанием верховной власти турецкого султана. В Дагестане к Турции отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть лезгинских земель из бывших владений Сурхая. Вдобавок к этому к Турции отходили территория Азербайджана, кроме Ардебилля, Грузия, Армения и западные области Ирана [16].

Казалось бы, наступили благоприятные времена для дальнейшего успеха кавказской политики Турции, особенно в Дагестане, но этого не случилось. Дагестанские владетели, особенно Сурхай-хан, не признали верховной власти Дауд-бека, они стали открыто выступать против него и намерений России и Турции присоединить к сферам своего влияния некоторые подвластные им поселения с коренным местным населением.

В сложившейся ситуации Дауд-бек не смог выполнить возложенных на него Портой задач – вытеснить русские войска из занятых территорий – и стал терять ее доверие. По этой причине османо-крымская верхушка решила привлечь на свою сторону наиболее влиятельного и лояльно настроенного в отношении Петербурга дагестанского правителя – шамхала Адиль-Гирея, подталкивая его к выступлению против России и обещая необходимую военную, финансовую и иную помощь [17].

Реваншистские семена Стамбула и Бахчисарая пали на благодатную почву. Подстрекаемые Англией и Францией, правители Турции и Крыма активно разжигали недовольство шамхала политикой российских властей после отъезда Петра, особенно чинимыми ими грабежами и насилиями над своими подданными, прежде всего строительством крепости Святой Крест недалеко от своей резиденции, в чем он видел угрозу собственной власти над подвластной территорией [18]. Но жалобы Адиль-Гирея по этому поводу вызвали глухое раздражение Петербурга со строгим подписанием местным властям «искусным и пристойным способом ... поймать шевкала (Шамхала. – Ш.Д.) за его противные поступки» [19].

Однако пленить шамхала сразу не удалось. В январе 1725 г. во главе 25-тысячного войска Адиль-Гирей неудачно штурмовал Терский редут, а два месяца спустя потерпел сокрушительное поражение у Святого Креста и едва спасся бегством во главе оставшегося 3-тысячного отряда [20].

Для наказания шамхала были проведены две военные операции, в ходе которых была разрушена его резиденция Тарки, а сам Адиль-Гирей загнан в горы. Брошенный своими союзниками, оставшись один, шамхал обратился за помощью в Стамбул и Бахчисарай, но безуспешно. Как доносили в августе 1725 г.

находившиеся в Стамбуле представители России И.И. Неплюев и А.В. Румянцев, «прибыли к хану крымскому четыре человека депутатов от Шевкала и будто требуют одного из его детей к тамошним народам в правители, на что хан не отписався к Порте никакой отповеди не дал ..., а между тем их у себя удержал» [21].

Оказавшись в безвыходном положении, при посредничестве кумыкских и кабардинских князей 20 мая 1726 г. Адиль-Гирей прибыл в русский лагерь у Кум-Торкалы, откуда был доставлен в крепость Святой Крест для содержания под караулом. После длительного обсуждения Верховным Тайным Советом, решением Сената осенью 1726 г. звание шамхала было ликвидировано, Адиль-Гирей сослан в г. Коло Архангельской губернии, исполнение верховной власти в Дагестане было возложено на главнокомандующего русскими войсками [22].

Таким образом, несмотря на все старания Порты и ее западных покровителей, кавказская политика османской верхушки в указанный период не принесла ей ожидаемого успеха. Обусловливалось это активным противодействием России, добивавшейся там собственных целей, пользуясь определенной пророссийской ориентацией части населения Прикаспия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII-XIX в. Махачкала, 2006. 179 с.
2. Tuna R. Çerkeslerin Kafkasyadan göçü // Kafkasya üzerine beş konferans. İstanbul, 1977. S. 118.
3. *Fındıklılı M.* Nisret-nâme İstanbul, 1962-1964. В. 1-3; Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (XVI - конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 204. Nusret-nâme.
4. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: документы и материалы / сост. В.М. Букалова. М., 1957. Т. 2. С. 11.
5. Русско-дагестанские отношения в XVI - первой четверти XVIII в.: документы и материалы / сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 223.
6. Бина А.А. Тарих-е сийаси-йе дипломасийе Иран. Аз Голнабад та Торкманчай. Техран, 1337. Т. 1. (1722-1829). С. 16; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 49.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.: Кабинет Петра I. Кн. 54. Л. 667.
8. Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1, 1722. Д. 6. Ч. 1. Л. 30.
9. Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 153.
10. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 112-113.
11. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 27; Gökçe S. Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğunun Kafkasya Siyaseti. İstanbul, 1979. S. 30-31.
12. Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004. С. 202.
13. АВПРИ. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 1/77, 1723. Д. 5. Ч. 1. Л. 11 с об.
14. Магомедов Н.А. Южный Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII - первой половине XIX в. Махачкала, 2005. С. 23, 24.
15. Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в. С. 285-286; Мозззи Н.Х. Тарих-е равабат-е сийаси-йе ва донья. Техран, 1365. С. 323.
16. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX в. М., 2004. С. 424; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 42.
17. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря в 1728 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв.: архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. М., 1958. С. 72.
18. Kasemzadeh F. Russian Penetration of the Caucasus // Russian imperialism from Iwan Great to the Revolution. New Verseu, 1974. P. 245.
19. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. Т. 18.
20. Чекулаев Н.Д. Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия // Вестн. ИИАЭ ДНЦ РАН. 2006. №1 (5). С. 33.
21. АВПРИ. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1, 1725. Д. 6. Л. 254.
22. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета (1726-1730) // Сб. Императорского Русского исторического общества. Спб., 1885. Т. 55. С. 386-394.

*Поступила в редакцию 21.02.2011 г.
Принята к печати 18.12.2013 г.*